

PROMPTINGQUERY / КНИГИ

Анатомия власти

От инстинкта до иллюзии

2025 · Литературная редакция 2026

Об этом издании

Литературная редакция русского текста 2025 года. Подготовка и редакция: GPT, 30 сентября 2026 года. Исходный текст сохранён в архиве книг. Сохранены три части и восемь глав.

Автор исходных материалов: Konstantin Nikolaevich Smirnov

Архив книг — исходные версии

Содержание

Введение. Дом, который мы строим над собой	4
Часть первая. На чём держится здание	7
1. Прежде, чем появилось право	7
2. Сколько стоит спокойствие	11
3. Голос, которому верят	15
Часть вторая. Закрытые помещения	20
4. Человек на последнем этаже	20
5. Башня, которая помещается в кармане	23
6. Учреждение, которое изображает работу	28
Часть третья. Выходы и новые основания	33
7. Место для слова «нет»	33
8. Как жить вместе после отказа	37
Заключение. Право перестраивать	42

Введение. Дом, который мы строим над собой

Власть легче всего заметить в минуту столкновения. Кто-то отдаёт приказ, кто-то отказывается; дверь закрывается, решение вступает в силу, чужая воля меняет нашу жизнь. Но задолго до столкновения власть уже существует в устройстве комнаты: в том, кому позволено говорить первым, чья подпись необходима, кто определяет повестку и кого не пригласили. Иногда она так привычна, что мы принимаем её за воздух.

Мы создаём её, чтобы не зависеть от случайности. Нам нужны дороги, по которым можно ехать, обещания, которым можно верить, правила, позволяющие незнакомым людям жить рядом. Мы хотим, чтобы сильный не отнимал у слабого всё, что ему понравится. Ради этого появляется общая сила. Однако очень скоро возникает вопрос: кто защитит нас от неё самой?

Так начинается история, у которой нет последней главы. Люди собирают власть из собственных страхов и надежд, а затем обнаруживают, что построенное здание заслоняет им небо. Они меняют его устройство, открывают окна, сносят стены, иногда разрушают до основания. На освободившемся месте опять приходится договариваться о воде, хлебе, безопасности и праве последнего слова.

Эта книга рассматривает власть как устройство совместной жизни. Нас будут интересовать не только желания правителя, но и лестницы, по которым его решения доходят до остальных; не только насилие, но и согласие; не только торжественные обещания, но и тихие привычки учреждения.

У каждого такого устройства есть своя анатомия. Одни части видны всем, другие обнаруживаются лишь тогда, когда перестают работать.

Сначала мы посмотрим, как различия между людьми превращаются в устойчивые преимущества и как потребность в порядке создаёт основания подчинения. Затем разберём способы, которыми власть объясняет своё право. После этого войдём в её закрытые помещения: туда, где контроль перестаёт служить делу, ритуал заменяет результат, а человек, достигший вершины, уже не различает себя и занимаемую должность.

Последняя часть посвящена выходам. Уйти из одной комнаты недостаточно, если весь дом устроен по тому же плану. Но и мечта сразу построить совершенное общество может оказаться началом нового принуждения. Между покорностью и окончательным избавлением лежит пространство конкретных поступков: отказ, взаимопомощь, ограничение полномочий, право спорить, возможность сменить тех, кому доверено решение.

Ни биология, ни история не дают нам готового приговора. Власть может превращать защиту в зависимость, но это не означает, что всякая защита с самого начала была обманом. Она может скрываться за законом, но из этого не следует, что закон всегда бесполезен. Разобрать механизм необходимо именно затем, чтобы увидеть различия, которые исчезают в слишком красивом общем объяснении.

Мы будем двигаться от инстинкта к иллюзии, не считая ни то ни другое последней истиной о человеке. Между ними находятся труд, страх, воображение, договорённость и способность пересматривать договорённости. Там и происходит самое важное.

Часть первая. На чём держится здание

1. Прежде, чем появилось право

В разговоре о власти рано или поздно возникает лес. Нас словно приглашают покинуть город со всеми его законами и увидеть первичную сцену: сильный занимает лучшее место, слабый уступает, остальные запоминают порядок. После этого парламент, корона и кабинет директора представляются лишь нарядными продолжениями одной древней борьбы.

В такой картине есть узнаваемая часть правды. Люди — живые существа; уязвимость, соперничество, привязанность, поиск безопасности принадлежат нашему существованию прежде всякой политической теории. Мы чувствуем, когда нас оттесняют, и радуемся, когда наше влияние растёт. Общественное положение переживается телом: напряжением, бессонницей, облегчением, уверенностью движения.

Однако между этим наблюдением и утверждением, будто власть целиком записана в организме, лежит большой промежуток. Его нельзя заполнить словами о «гормоне господства». Исследования приматов показывают, что связь положения в группе со стрессом меняется вместе с условиями жизни и устойчивостью отношений. Верхняя ступень не выдаёт бессрочного свидетельства спокойствия, а нижняя не объясняет всю судьбу находящегося на ней существа.

Особенно соблазнителен образ вожака, которому достаточно быть сильнейшим. Но влияние складывается также из союзов, опыта, способности удерживать отношения. Даже

рассматривая животное сообщество, мы видим больше, чем схватку двух тел. Тем осторожнее следует переносить эту схему на людей, чья совместная жизнь включает память, язык, обучение и осознанное изменение правил.

Биология помогает понять, почему признание приятно, а беспомощность мучительна. Она не решает, кому принадлежит право устанавливать налоги, как долго должен действовать мандат или почему одному человеку разрешено унижать другого. Из описания происхождения чувства ещё не получается оправдание общественного порядка. Древность желания не делает его законом.

Представим небольшую группу, которой надо пройти незнакомую местность. Один лучше различает следы, другая знает растения, третий умеет находить воду. Их влияние возникает из задачи и может меняться вместе с ней. Тот, кто ведёт утром, вечером спрашивает совета. Перед нами не фотография единого первобытного прошлого, а простая модель функционального авторитета: люди слушают того, чьё умение сейчас необходимо.

Такое влияние уже содержит возможность неравенства, но ещё не требует постоянного господства. Его основание можно проверить: дорога найдена или нет, рана обработана или нет, спор удалось уладить или он стал опаснее. Неудача не обязательно уничтожает доверие, однако связь между доверием и делом остаётся видимой.

Поворот происходит, когда преимущество переживает задачу, благодаря которой возникло. Человек однажды спас остальных и теперь ждёт подчинения во всём. Его сын наследует уважение к отцу. Право распределять общую добычу незаметно становится правом определять, кому она

принадлежит. Память о полезном действии превращается в собственность на будущие решения.

Здесь появляется потребность в рассказе. Устойчивое превосходство трудно удержать одними ежедневными доказательствами; ему нужна история, которая делает его естественным. Лидер оказывается не только умелым, но и избранным. Случайная удача превращается в знак судьбы, победа — в свидетельство особой природы. Поражение объясняют неверностью окружающих, чтобы сохранить нетронутым самое главное: представление об исключительности победителя.

Героическая поэзия позволяет почувствовать силу такого превращения. Ахилл в «Илиаде» ищет не просто практического успеха. Слава обещает ему продолжение за пределами краткой жизни. Герой становится тем, о ком будут говорить после смерти, и это обещание изменяет цену любого поступка. Победа уже принадлежит не только сегодняшнему дню; она должна закрепить имя в памяти людей.

Нельзя вывести всю историю государств из одного эпоса. Но в нём ясно слышно желание, которое будет сопровождать власть во многих её формах: превратить ограниченное человеческое существование в нечто непреходящее. Если человек не может победить смертность, он может попытаться победить забвение. Тогда чужие земли, здания, законы и жизни становятся материалом для собственного памятника.

В образе Александра Македонского военное действие тесно соединяется с героическим самоизображением. В образе Чингисхана объединение степных сил соединяется с представлением о небесном предназначении. Эти случаи различны, и их нельзя уложить в одну лестницу развития.

Они показывают другое: практический успех способен обрести такое символическое продолжение, что дальнейшая экспансия начинает казаться исполнением высшего порядка.

Сакрализация меняет отношения между распоряжением и возражением. Пока начальник ошибается как человек, его можно поправить. Если через него говорит сама судьба, сомнение становится нарушением мира. Подчинённый спорит уже не о дороге или урожае; его обвиняют в том, что он не понимает своего места во вселенной.

При этом даже самая торжественная власть остаётся зависимой от земного. Ей нужны люди, которые передают приказ, собирают средства, кормят войско, поддерживают верность. Образ абсолютного правителя скрывает множество посредников. Чем больше он заявляет о собственной самостоятельности, тем важнее сеть, которая позволяет ему выглядеть самостоятельным.

Мы подошли к первому существенному различию. Желание влиять, полезный авторитет, закреплённая привилегия и священное право — не одно и то же. Они могут переходить друг в друга, но переход каждый раз требует условий и действий. Если соединить их в одно слово «инстинкт», исчезнет именно то, что нам нужно понять: как возможность руководить превращается в невозможность возразить.

В следующей комнате нас ждёт иной довод. Власть будет говорить уже не о славе и избранности, а о безопасности. Она предложит посмотреть за окно и представить, что случится, если её не станет.

2. Сколько стоит спокойствие

Страх перед властью редко существует отдельно от страха перед её исчезновением. Человек может ненавидеть произвол и одновременно опасаться дня, когда перестанут действовать любые общие правила. Он знает, что начальник бывает жесток, но знает и то, что сосед с оружием способен оказаться не лучше. Между этими опасностями приходится искать устройство, которое не требует ежедневного подвига ради обычной жизни.

Томас Гоббс довёл эту тревогу до предельной ясности. Его естественное состояние — мысленная модель мира без общей силы, способной обеспечивать обязательства. Недостаточно самому желать мира, если ты не уверен в намерениях другого. Даже осторожный человек начинает готовиться к нападению, а приготовления становятся угрозой для соседа. Недоверие производит то насилие, которого все старались избежать.

В этой модели самое разрушительное — не непрерывная драка, а невозможность надёжно рассчитывать на завтра. Посеянное могут отнять; обещанное может не состояться; работа утрачивает смысл, если её плоды не защищены. Страх сокращает горизонт. Человек занят ближайшим спасением и уже не строит того, что требует времени и доверия.

Опыт английских гражданских войн придал рассуждению Гоббса особую остроту. Но «Левиафана» следует читать как политический аргумент, а не как доказанную хронику первобытного человечества. Общественный договор у него объясняет, почему люди могли бы признать общего суверена.

Он не сообщает о собрании, на котором однажды присутствовали все наши предки.

Выход состоит в создании силы, превосходящей отдельных участников. Люди взаимно принимают подчинение общему решению, чтобы обещания перестали зависеть только от доброй воли. Левиафан устрашает, но этим же устрашением должен освобождать от множества мелких страхов. Его огромная тень представляется ценой более спокойного дня.

Здесь возникает трудность, которую не устранить торжественностью договора. Общая сила способна защищать договорённости, а способна обращать свою мощь против тех, кто её признал. В рассуждении Гоббса суверен получает чрезвычайно широкие полномочия, хотя самосохранение остаётся важнейшим основанием конструкции. В последующей политической мысли спор развернётся вокруг границ: какие права нельзя отдавать, как проверить действия власти, что делает сопротивление оправданным.

Фраза «свобода в обмен на безопасность» кажется сделкой с ясной ценой, но обычно обе стороны названы слишком общо. От какой именно свободы предлагают отказаться? Кто и на какой срок получает полномочие? Что считается достигнутой безопасностью? Если ответа нет, обмен превращается в открытый счёт, по которому общество платит всё больше, не имея возможности удостовериться в исполнении обещанного.

После потрясений желание порядка может стать сильнее недоверия к сильной руке. История возвышения Наполеона позволяет увидеть это соединение усталости, надежды и принуждения. Правовая и административная перестройка соседствовала с сосредоточением власти. Но фраза «французы выбрали порядок» скрывает различия между ними, способы

исключения несогласных и ту часть истории, которая не помещается в образ единогодушного решения.

Сходная осторожность нужна, когда мы говорим о российской политике после кризисов 1990-х. Обещание стабильности стало важным языком оправдания централизации. Это не означает, что у всех людей был один страх и одно желание или что их поведение можно объяснить единственной причиной. Политическое объяснение теряет точность, когда целому обществу приписывают одну душу.

У таких историй есть общий вопрос, не требующий притворного единогодушия. Каким образом временное чрезвычайное полномочие становится постоянным? Пока опасность близка, ограничение кажется понятным. Когда опасность отступает, уже существует аппарат, привыкший этим ограничением распоряжаться. Он способен находить новые основания для сохранения своей роли. Дверь, закрытая на время бури, остаётся запертой в хорошую погоду.

Однако власть возникает и вокруг задач, которые нельзя объяснить одним страхом. Общий канал надо очищать, мост — поддерживать, спор о воде — разрешать. Если каждый берёт только для себя и не участвует в общей работе, пользование ресурсом может разрушить сам ресурс. Здесь требуется координация, и вопрос о ней вполне реален.

Из этого ещё не следует, что координация обязательно должна исходить от единственного центра. В первоначальном рассуждении о канале слишком легко появляется неизбежный правитель: раз вода общая, кто-то должен командовать всеми. Но между отсутствием правил и неограниченной властью находится множество способов договориться. Пользователи могут сами устанавливать

порядок, следить за его соблюдением и менять его, когда условия становятся другими.

Исследования Элинора Остром показали, насколько существенны такие формы управления общими ресурсами. Они не обещают всеобщей гармонии: нужны понятные обязательства, участие, наблюдение за исполнением. Их значение для нашего разговора скромнее и важнее утопии. Потребность в порядке сама по себе не определяет единственную допустимую форму власти.

Поэтому спор следует вести не между хаосом и всемогущим спасителем, а между конкретными устройствами. Кто знает местные условия? Кто несёт последствия ошибки? Кто может добиться пересмотра? Кто распоряжается сведениями, без которых остальные вынуждены верить на слово? Иногда решение требует общего центра, иногда распределения задач, чаще — сочетания разных уровней ответственности.

Безопасность становится опасным оправданием, когда её нельзя проверить. Общее благо становится пустым словом, когда не видно, кому достаётся польза и кто несёт издержки. Даже необходимая власть нуждается в таком описании своих пределов, которое можно применить против неё самой. Иначе необходимость незаметно превращается в неприкосновенность.

Мы строим порядок, чтобы не просыпаться каждое утро в неизвестном мире. Но достойный порядок должен оставлять возможность изменить его без катастрофы. В этом различие между устойчивостью и неподвижностью. Первая позволяет жить; вторая требует, чтобы жизнь постоянно приспосабливалась к сохранению конструкции.

Власть, которая хочет длиться, редко удовлетворяется объяснением собственной полезности. Ей нужно, чтобы подчинение воспринималось как должное. Так разговор о безопасности приводит нас к следующему вопросу: почему приказ звучит для нас не просто как чужое желание, а как право?

3. Голос, которому верят

Два человека произносят одинаковое требование. Одного слушают, другому отказывают. Иногда различие объясняется оружием, но часто — чем-то невидимым: признанием полномочий. Мы полагаем, что первый вправе требовать, даже если его просьба нам неприятна. Это признание составляет важную часть того, что называют легитимностью.

Её не следует смешивать с безупречностью или с простой законностью. Закон может быть принят так, что общество не считает его справедливым; популярный лидер может действовать за пределами правил. Легитимность относится к основаниям признания, а не выдаёт морального оправдания любому признанному порядку. Люди способны верить в несправедливое и сомневаться в необходимом.

Чистое принуждение дорого. За каждым движением нужно следить, неповиновение приходится постоянно пресекать. Согласие меняет устройство работы: человек сам исполняет правило, объясняет его детям, осуждает нарушителя. Власть получает помощников там, где иначе требовались бы надзиратели. Поэтому борьба за право объяснять мир бывает не менее важна, чем борьба за средства насилия.

Одно из самых сильных объяснений связывает земной порядок со священным. Правитель оказывается частью картины мироздания; верность ему становится обязанностью, выходящей за пределы обыденной выгоды. Древнеегипетские представления о царской власти, религиозные обоснования европейской монархии и китайская идея Небесного мандата различались. Их объединяет возможность говорить от имени порядка, который выше отдельного человека.

Различия при этом существенны. Представление о мандате могло служить оправданием не только правящей династии, но и её смены: бедствия и утрата порядка истолковывались как признаки утраченного права. Священный язык не всегда означает неизменность. Он способен объяснять и преемственность, и разрыв — смотря кто получает возможность толковать происходящее.

Европейское божественное право королей тоже нельзя заключить в одну неподвижную средневековую картину. В образе Людовика XIV мы встречаем уже раннее Новое время, а отношения монархии, церкви, сословий и закона никогда не сводились к одному жесту помазания. Для нашей темы важен сам приём: политическое решение получает дополнительный вес, когда представляется исполнением высшей воли.

Другое объяснение обходится без откровения. Оно говорит: так поступали прежде. Традиция позволяет не обсуждать каждое основание заново; мир становится узнаваемым благодаря повторению. Но тот же дар преемственности способен освящать неравенство. Давность превращается в доказательство правоты, а просьба изменить порядок — в обвинение против общего прошлого.

Наследственная власть использует эту связь особенно наглядно. Право переходит вместе с именем, и люди заранее знают, кто займёт освободившееся место. Такая предсказуемость может уменьшать один вид неопределённости, одновременно закрепляя исключение всех остальных. Символическая преемственность и реальная возможность управлять при этом не совпадают; в конституционных монархиях их соотношение определяется устройством государства, а не одной древностью короны.

Третье основание возникает вокруг необыкновенной личности. Макс Вебер назвал харизматическим такое признание, при котором люди верят в исключительные качества человека и его призвание. Вера может переживаться как освобождение от мёртвого порядка. Кто-то наконец произносит слова, которые остальные не решались сказать, и разрозненная надежда получает голос.

Харизма не является свидетельством нравственной правоты. Способность увлечь людей встречается у тех, кто освобождает, и у тех, кто подчиняет. Политический вождь и лидер движения за гражданские права могут обладать сильным личным влиянием, но это не делает их цели и способы действия одинаковыми. Сходство механизма не отменяет различия поступков.

У власти, основанной на личности, возникает особая тревога: что будет после её ухода? Исключительность нельзя просто передать по расписанию. Сторонники пытаются закрепить её в доктрине, должности, порядке наследования, школе последователей. Живое обещание становится учреждением. Иногда это спасает начатое дело, иногда создаёт систему, которая хранит имя основателя, изменив смысл его слов.

Наконец, существует признание безличного правила. Мы подчиняемся судье или избранному должностному лицу потому, что признаём установленную процедуру и пределы компетенции. Человек не совпадает со своими полномочиями: он получает их при определённых условиях и должен расстаться с ними, когда эти условия перестают действовать. Должность переживает занимающего её человека, не становясь его собственностью.

Рационально-правовой порядок может казаться невыразительным рядом с героической историей. Но в этой невыразительности заключено достоинство: для передачи власти не требуется чудо. Процедура должна работать и тогда, когда её участники не восхищают друг друга. Закон нужен в том числе для минуты, когда личное доверие закончилось.

Разумеется, наличие написанных правил ещё не доказывает, что они действуют. Выборы могут сопровождаться исключением соперников, суд — зависеть от тех, кого должен ограничивать, отчётность — скрывать самое существенное. Именно поэтому различие между правилом и декорацией нельзя объявить неважным. Если всё заранее назвать иллюзией, исчезнет язык, на котором можно требовать исполнения обещанного.

В действительной жизни основания признания смешиваются. Избранный руководитель обращается к традиции, наследственный монарх соблюдает правовые пределы, движение с сильным лидером вырабатывает процедуры. Никто не живёт внутри идеально чистого типа. Но различие помогает услышать, какой довод используется в споре и почему он иногда подменяется другим: неудачу объясняют

судьбой, нарушение правила — исключительностью момента, отсутствие результата — верностью прошлому.

В названии этой книги есть слово «иллюзия», но было бы слишком легко объявить всякое согласие заблуждением.

Иногда люди признают порядок потому, что он действительно защищает их и оставляет способы исправления. Иллюзия возникает там, где признание должно закрыть возможность проверки; где знак справедливости освобождает от обязанности быть справедливым.

Теперь перед нами не одна опора, а целая система. Власть действует через страх и пользу, привычку и надежду, символ и процедуру. Система может быть устойчивой, пока между этими опорами сохраняется связь. Но что происходит, когда вывеска остаётся на месте, а внутри здания исчезает дело, ради которого оно строилось?

Часть вторая. Закрытые помещения

4. Человек на последнем этаже

Пока власть находится впереди, она обещает завершение. Ещё одно усилие — и больше не придётся просить, ждать, зависеть от чужой прихоти. Человек представляет себе вершину как место, где исчезнет внутренний шум. Но должность меняет круг возможностей, а не отвечает автоматически на вопрос, зачем жить. Поднявшись, можно обнаружить, что тревога поднялась вместе с тобой.

Мы привыкли спрашивать, что правитель делает с обществом, и реже — что устройство его жизни делает с ним самим. Здесь нужна осторожность: политическое решение не является прозрачным окном в душу. Нельзя объявить всякую жестокость следствием одиночества, а каждую амбицию — компенсацией детской травмы. Однако можно рассмотреть условия, при которых человек постепенно утрачивает возможность слышать независимый ответ.

Сначала исчезают случайные встречи. Затем меняется речь окружающих: сомнение смягчается, неприятное откладывается, неудача получает удобное объяснение. Люди учатся угадывать желательное прежде, чем оно произнесено. Правителю кажется, что мир стал согласованнее, хотя на самом деле из его поля зрения удаляют несогласие.

Это опасная форма одиночества. Рядом может быть множество людей, но всё труднее понять, кто говорит по убеждению, кто — ради выгоды, кто — из страха. Простое

человеческое доверие подменяется оценкой лояльности. Чем больше у человека возможностей наградить или наказать, тем сложнее услышать слова, которые не являются частью расчёта.

Исторический образ Тиберия, удалившегося на Капри, давно служит сценой для размышлений об отчуждении властителя. Но дошедшие до нас рассказы имеют авторов, пристрастия и расстояние до описываемых событий. Из них нельзя составить бесспорное заключение о внутреннем состоянии человека. Для нас значим сам образ: огромная территория подчиняется распоряжениям, а связь с живой действительностью становится всё более опосредованной.

Литература иногда даёт более честное пространство исследования именно потому, что не выдаёт воображаемый внутренний мир за установленный исторический факт. Шекспировский Макбет получает корону, но не получает покоя. Убийство, которое должно было завершить борьбу, открывает новую. Теперь надо устранить последствия прошлого действия, затем последствия следующего. Власть не насыщает желание; она расширяет область угрозы.

В трагедии страшна не только кровь. Страшно постепенное сужение возможного. Когда правление держится на преступлении, признать ошибку значит поставить под вопрос всё здание. Человек продолжает путь, потому что отступление кажется опаснее движения. Будущее превращается в службу охраны прошлого.

В менее страшном виде такой механизм встречается и в обычном учреждении. Руководитель годами отстаивал проект и теперь не может признать, что обстоятельства изменились. Вокруг проекта возникли должности, связи, отчётность;

отказаться от него значит потерять не только результат, но и привычное объяснение собственной нужности. Ошибка становится частью личности и потому защищается сильнее, чем дело.

Так власть начинает обслуживать своё продолжение. Изначальная цель ещё произносится вслух, но реальные решения проверяются по другому признаку: укрепят ли они положение принимающего решение? Полезное предложение отвергают, если оно усиливает соперника. Неудачное сохраняют, если отказ от него показался бы слабостью. Орудие постепенно выбирает себе задачу — оставаться в руке.

У этого состояния есть общественная сторона. Люди замечают, что торжественные слова больше не объясняют происходящее. Между официальной речью и повседневным опытом образуется пустота. В неё входят насмешка, усталость, привычка не принимать сказанное всерьёз. Общество продолжает двигаться по расписанию, но внутреннее участие уменьшается.

В позднесоветском опыте можно увидеть разные формы такого расхождения: ритуальную речь, частный скепсис, анекдот, осторожное отступление в личную жизнь. Но было бы неверно утверждать, что все перестали верить одновременно или что одного неверия достаточно для объяснения распада государства. Экономические, политические и социальные процессы не заменяются одной метафорой опустевшего зала.

Та же осторожность не мешает узнавать сходный разрыв в корпоративной среде. На стене написано о доверии, а за ошибку унижают. Объявлено первенство качества, а вознаграждается только удобная отчётность. Участник

постепенно перестаёт ждать связи между словом и делом. Он может исправно выполнять обязанности, сохраняя внутри решение больше ничему не верить.

Пустота не всегда вызывает немедленный бунт. Иногда она, напротив, облегчает управление: никто не ждёт многого, никто не спорит всерьёз. Но такая тишина отличается от согласия. При необходимости совместного усилия обнаруживается, что учреждение сохранило формы участия, утратив способность его вызывать.

Можно ли выйти из этого состояния, получив ещё больше полномочий? Иногда именно так и пытаются поступить. Если люди недостаточно увлечены, надо настойчивее проверять; если слова не действуют, надо увеличить число подтверждений. Человек, потерявший связь с делом, ищет доказательства собственного существования в управляемости других. Так из внутренней пустоты открывается дверь в следующую комнату — комнату наблюдения.

5. Башня, которая помещается в кармане

Контроль начинается с вполне разумной потребности: узнать, выполнено ли обещанное, безопасна ли работа, дошла ли помощь. Совместная деятельность невозможна без обратной связи. Но между проверкой результата и наблюдением за всей жизнью человека существует граница. Её легко переступить, когда каждое новое сведение кажется полезным, а цена вторжения остаётся невидимой для наблюдателя.

В конце XVIII века Джереми Бентам предложил устройство, ставшее одним из самых известных образов власти. В его паноптикуме наблюдатель находится в центре, а

наблюдаемые размещены вокруг. Существенно не только то, что их видно. Существенно, что они не могут уверенно определить, смотрят ли на них в данную минуту.

Неопределённость делает часть работы за надзирателя. Если наблюдение возможно всегда, человек начинает учитывать его даже в отсутствие наблюдающего. Башня постепенно переселяется внутрь. Вместо непрерывного приказа возникает привычка заранее проверять себя чужим взглядом.

Мишель Фуко сделал паноптикум инструментом анализа дисциплинарной власти. Его интересовала связь наблюдения, нормы и формирования поведения в учреждениях. Это не значит, что всякая школа является тюрьмой или всякое обучение — скрытым насилием. Аналитический образ полезен там, где позволяет различить конкретные приёмы; он теряет силу, когда различия между учреждениями объявляются несущественными.

У нормы есть тихое преимущество перед запретом. Запрет говорит, чего делать нельзя; норма описывает, каким человеком следует быть. Измерение, сравнение, распределение по категориям способны определять не только действие, но и представление человека о себе. Он начинает видеть собственную жизнь как отклонение от шкалы, составленной кем-то другим.

В тоталитарном воображении недостаточно внешнего исполнения. Власть претендует на убеждение, память, чувство. В «1984» Оруэлла эта претензия доведена до художественного предела: подчинение должно завершиться внутренним признанием того, кто причиняет страдание. Роман показывает ужас требования, при котором для

человека не оставляют даже скрытого пространства несогласия.

Литературный предел нельзя механически наложить на каждое современное учреждение. И всё же он помогает задать точный вопрос: чего от нас хотят — выполнения ограниченной обязанности или совпадения всей личности с ожиданием системы? Работу можно выполнить; безграничную верность приходится подтверждать снова и снова.

Цифровые технологии меняют масштаб наблюдения и способы его организации. Поиск, покупка, маршрут, задержка внимания оставляют сведения, которые можно сопоставлять. Часть такого сопоставления действительно делает жизнь удобнее. Мы быстрее находим нужное, восстанавливаем потерянную дорогу, получаем услугу без очереди. Поэтому участие часто начинается не со страха, а с облегчения.

Однако согласие на отдельное удобство не обязательно означает понимание всей цепочки использования данных. Человек может видеть экран, не зная, кто ещё получает сведения и какие решения будут от них зависеть. Самое существенное происходит за пределами его непосредственного опыта: одни варианты показывают, другие отодвигают, третьи делают практически недоступными.

Здесь не требуется всеведения. Алгоритму не нужно понимать человека во всей полноте, чтобы повлиять на то, что он увидит следующим. Достаточно систематически изменять условия выбора. Именно поэтому преувеличение машинной способности читать души мешает анализу: оно заменяет конкретное устройство почти мистической силой.

Сходная неточность возникает, когда множество административных и коммерческих систем изображают как один всеобщий счёт человеческой добродетели. Для рассуждения о власти важнее различать, какие сведения собираются, к каким последствиям ведут и как исправляется ошибка. Обобщённая страшная картинка иногда скрывает реальное, проверяемое ограничение лучше, чем успокаивающая реклама.

Представим, что доступ к услуге зависит от оценки, которую человек не может понять. Он не знает, какое событие ухудшило результат, кто отвечает за данные и кому объяснить обстоятельства. Даже если система создана ради эффективности, в такой ситуации возникает неравенство: одна сторона классифицирует, другая живёт с последствиями классификации. Вопрос о справедливости начинается там, где оценку нельзя оспорить.

Коммерческая персонализация тоже не сводится к заботе о пользователе. Если внимание приносит доход, возникает интерес удерживать его. Порядок показа влияет на доступность впечатлений, а доступность — на то, что кажется человеку распространённым и важным. Из этого не следует, что любая рекомендация управляет убеждениями без остатка. Следует необходимость видеть заинтересованную сторону там, где интерфейс представляется нейтральным посредником.

Пользователь при этом не является ни полностью свободным хозяином, ни безвольной фигурой. Он может выбирать, сопротивляться, менять привычки; его возможности зависят от доступных альтернатив и цены выхода. Если в одной системе находятся работа, близкие, документы и

повседневные услуги, совет «просто уйти» звучит легче, чем исполняется.

В старом образе надзиратель был виден хотя бы как должность. В распределённой цифровой среде ответственность может растворяться между владельцем сервиса, поставщиком данных, заказчиком и разработчиком. Каждый объясняет, что принял лишь небольшое техническое решение. Но человек сталкивается с их общим результатом, и этот результат вполне способен определять границы его жизни.

Поэтому достойный контроль должен иметь пределы, понятную цель и обратное направление. Наблюдающий также должен быть наблюдаем в своих полномочиях. Право узнать основание решения, исправить запись, потребовать человеческого рассмотрения — способы вернуть отношениям взаимность. Без неё прозрачность становится односторонним окном.

Опасность не исчерпывается злым умыслом. Удобство, безопасность и экономия могут служить честными мотивами, а всё же приводить к накоплению возможностей вмешательства. Каждая новая функция кажется небольшим улучшением. Лишь позднее обнаруживается, что между ними исчезло пространство, в котором человек мог быть неучтённым, непредсказанным и свободным от постоянного объяснения себя.

Башня в кармане не является неизбежным концом техники. Это образ определённого способа её устройства. Мы можем спорить о том, кому принадлежит окно, когда оно открывается и вправе ли человек закрыть штору. Такой спор начинается с отказа считать технически возможное заранее необходимым.

6. Учреждение, которое изображает работу

Есть власть шумная, постоянно требующая подтверждения. Есть и другая — вязкая, привычная, почти сонная. Она не обещает великого будущего и не нуждается в пламенной вере. Ей достаточно, чтобы в положенный день собрались нужные люди, произнесли знакомые слова и заполнили соответствующие графы.

Ритуал сам по себе не враг смысла. Повторение удерживает память, помогает действовать без бесконечного обсуждения, делает ответственность заметной. Опасность начинается тогда, когда форма получает защиту независимо от результата. Совещание считается успешным потому, что состоялось; документ — полезным потому, что согласован; план — исполненным потому, что так оформлен отчёт.

Между работой и её изображением возникает целая дополнительная работа. Люди учатся производить признаки усердия, объяснять задержки допустимыми словами, выбирать показатели, которые можно улучшить без изменения дела. Чем сложнее этот язык, тем труднее постороннему понять, где произошло действие, а где лишь его административное описание.

Сатирические наблюдения Сирила Паркинсона стали известны именно благодаря узнаваемости такого мира. Учреждение способно увеличивать занятость людей задачами, которые порождает само. Сатира не заменяет исследование каждого ведомства, но хорошо улавливает момент, когда аппарат перестаёт различать необходимость общего дела и необходимость собственного расширения.

Лояльность в такой среде получает особое значение. Человек, который не создаёт затруднений, удобнее человека, который сообщает о неисправности. Инициатива опасна: она показывает, что привычное можно изменить, а значит, ставит под вопрос предыдущие решения. Самым безопасным становится действие, оставляющее всем привычные роли.

Руководитель тоже попадает в ловушку. Он получает сведения, подготовленные для подтверждения благополучия, и может искренне не понимать источник недовольства. Подчинённые, в свою очередь, знают, что неприятное сообщение потребует объяснений и создаст риск. Так неправда возникает не всегда из единого заговора. Её способны производить согласованные ожидания множества осторожных людей.

Когда речь идёт о политических учреждениях, цена такой подмены особенно велика. Парламент может существовать как здание и расписание заседаний, не обеспечивая реального обсуждения. Выборная процедура может сохранять внешние признаки выбора, ограничивая возможность смены власти. Судебный язык может прикрывать зависимость решения. Проверять приходится не вывеску, а то, какие действия за ней доступны человеку.

Для подобной имитации часто используют выражение «карго-культ». Но популярный рассказ о людях, якобы просто перепутавших соломенные самолёты с настоящими, слишком легко превращает чужую сложную историю в насмешку. Нашему рассуждению не требуется эта карикатура. Достаточно точного собственного примера: учреждение воспроизводит видимые признаки работающего механизма, не создавая условий его действия.

Конституция не делает суд независимым одним своим наличием. Отчёт не делает организацию подотчётной, если его нельзя проверить и из него ничего не следует. Слово «участие» не даёт участнику влияния, если все существенные решения приняты заранее. Форма становится содержательной, когда допускает последствия, неудобные для тех, кто её создал.

Общество отвечает на пустую форму по-разному. Одни отступают в частную жизнь; другие сохраняют способность смеяться; третьи продолжают участвовать по привычке или ради небольших доступных изменений. Неучастие может выражать протест, усталость, неверие, нехватку времени. По одному внешнему жесту нельзя уверенно определить внутреннюю причину.

Ирония помогает не принять ложь за правду, но тоже имеет предел. Человек может настолько привыкнуть к насмешке, что перестанет различать возможность честного действия. Тогда разоблачение становится собственной защитной привычкой: ничему не верить безопаснее, чем однажды снова разочароваться. Цинизм сохраняет дистанцию ценой участия.

Власть иногда выигрывает от такой дистанции. Скептик смеётся дома, но не требует объяснений публично; сотрудник

жалуется друзьям, но подписывает документ. Отсутствие веры не всегда ослабляет систему немедленно. Оно может стать её устойчивым условием: все знают, что происходящее условно, и все продолжают исполнять свои роли.

Тем не менее в час серьёзного испытания различие между согласием и привычкой обнаруживается. Система просит доверия, а получает осторожный расчёт. Просит инициативы, а люди ждут распоряжения, которое снимет с них ответственность. То, что прежде казалось удобной управляемостью, оказывается недостатком самостоятельного действия.

Пустота, чрезмерный контроль и ритуал не образуют обязательную последовательность стадий, через которые должна пройти всякая власть. Они могут сочетаться, усиливать друг друга, отступать перед изменением условий. Называть их неизбежными значит заранее отнять смысл у попытки исправления. Гораздо полезнее замечать конкретный разрыв между целью и устройством.

Иногда возвращение смысла начинается с простого, но неудобного вопроса: что изменится для людей после нашей работы? Если ответом служит только новый отчёт, надо продолжить спрашивать. Если ответ есть, его следует сделать проверяемым. Власть возвращается к делу, когда допускает возможность, что для этого дела потребуется уменьшить её саму.

Но человек не всегда способен изменить учреждение изнутри. Бывает, что пространство возражения закрыто, а участие требует поступков, с которыми он не может согласиться. Тогда вопрос о хорошей организации сменяется вопросом о границе личного участия. Мы подходим к слову, которое звучит короче всех оправданий: нет.

Часть третья. Выходы и новые основания

7. Место для слова «нет»

Отказ начинается не обязательно на площади. Иногда он возникает в почти незаметной паузе между требованием и привычным исполнением. Человек ещё ничего не сказал, но уже перестал считать участие само собой разумеющимся. Он спрашивает себя, на что именно соглашается и чего требует цена этого согласия.

Власть любит непрерывность: чтобы поручение переходило в действие без задержки, правило — в привычку, ожидание — в самооценку. Отказ размыкает эту цепь. Он возвращает различие между происходящим и необходимым. То, что все делают, оказывается действием, которое можно оценить, а не природным явлением.

Античная философия предложила разные способы искать такую дистанцию. Стоики обращали внимание на наши суждения и на различие между тем, что зависит от нас, и тем, чем нельзя распоряжаться по желанию. Это не обещание невосприимчивости к боли и не требование равнодушия к чужой беде. Человеку предлагается не передавать внешнему событию без остатка право определять его нравственный выбор.

В таком различении есть дисциплина, а не волшебство. Болезнь причиняет страдание; насилие остаётся насилием; потеря не исчезает от правильной мысли. Но между обстоятельством и поступком иногда сохраняется

пространство ответа. Его нельзя требовать от пострадавшего как доказательство добродетели. Его можно беречь как возможность, которую не следует заранее считать уничтоженной.

Киническая традиция делает отказ более видимым. В рассказе о Диогене и Александре философу достаточно солнца, которое заслоняет могущественный посетитель. Достоверность каждой подробности древнего анекдота не является условием его смысла. Сцена переворачивает привычный порядок: тот, кто может многое дать, обнаруживает человека, которому сейчас не нужно его даров.

Уменьшение потребностей меняет условия зависимости. Если для признания собственной удавшейся жизни требуется всё больше вещей, знаков статуса и одобрений, число возможных распорядителей растёт. Кто-то определяет престижное, кто-то допускает к желаемому, кто-то постоянно напоминает, чего ещё не хватает. Простота способна освободить часть пространства, но не отменяет материальных нужд и обязанностей перед другими.

В религиозных традициях аскезы и отшельничество получают иной смысл: отказ совершается ради духовной цели, которая выше мирского успеха. Монастырь или община могут свидетельствовать, что привычный порядок ценностей не единственный. Однако уход от светской иерархии сам по себе не означает отсутствия правил и подчинения. Новый способ жизни тоже надо рассматривать в его действительном устройстве.

Политический отказ делает личную границу общим действием. Практики ненасильственного сопротивления, связанные с Ганди, показывают силу организованного

неучастия в несправедливом порядке. Бойкот, гражданское неповиновение, публичное нарушение неправомерного требования способны менять отношения между управляемыми и управляющими. Но независимость Индии нельзя объяснить единственным человеком или одним способом борьбы: история включала множество сил и обстоятельств.

В ненасильственном отказе существенно не отсутствие усилия. Он требует организации, выдержки, заботы о других, готовности к последствиям. Назвать его просто пассивностью — значит не увидеть работу, благодаря которой отдельное несогласие становится общественным фактом. Власть сталкивается не с молчанием, а с пределом сотрудничества.

Не всякое неучастие, однако, сообщает такой предел достаточно ясно. Отказ от голосования может быть протестом, а может исчезнуть среди множества других причин отсутствия. Политическое действие оценивается не только по искренности намерения, но и по тому, как оно становится понятным другим и какие возможности создаёт. Иногда уход ослабляет несправедливый порядок, иногда освобождает для него место.

В повседневной жизни отказ принимает менее торжественные формы. Человек меняет работу, если прежняя требует постоянного предательства собственных ценностей. Другой уменьшает потребление, чтобы не отдавать всё время его обслуживанию. Третий ограничивает присутствие в сети, возвращая себе внимание, которое рассеивалось по чужому расписанию.

Эти решения не следует превращать в новую моральную лестницу. Не всякий может уйти с тяжёлой работы,

переселиться за город или перестать пользоваться необходимым сервисом. У людей разный запас средств, разные обязанности и разная цена ошибки. Свобода отказа существует в конкретных условиях; презрение к тому, кто пока не может уйти, воспроизводит власть под видом освобождения.

Цифровая пауза полезна не как ритуал очищения от плохой современности. Её смысл в восстановлении различия между собственным намерением и непрерывным ответом на сигнал. Человек может заметить, зачем он открыл приложение, сколько времени хотел провести и почему остался. Такая внимательность не решает всех общественных проблем, но делает участие менее автоматическим.

У минимализма есть сходная развилка. Он может уменьшать зависимость, а может стать ещё одним требованием к красивой жизни. Если простоту начинают покупать как престижный образ, прежняя гонка возвращается в светлой пустой комнате. Освобождение определяется не количеством предметов на фотографии, а тем, насколько человек способен распоряжаться своей жизнью.

Отказ нуждается и в положительном содержании. Ради чего сохраняется время? Кому достанется освобождённое внимание? Какие отношения станут возможны? Если за словом «нет» не возникает ни одной связи с миром, независимость рискует превратиться в изоляцию, которую затем приходится защищать от всякой просьбы другого человека.

Поэтому личная граница — начало, а не завершение. Она позволяет перестать участвовать в неприемлемом, но не организует общую жизнь тех, кто сделал такой же выбор. Людям всё ещё нужны забота, труд, разрешение споров, передача опыта. За дверью старого учреждения их ждёт не пустота, а задача построить отношения, в которых отказ останется возможным.

8. Как жить вместе после отказа

Свободное сообщество легче вообразить в первый день. Люди узнают друг в друге общее желание, говорят без привычной осторожности, охотно берутся за работу. Отсутствие прежнего начальника ощущается как доказательство того, что всё существенное уже изменилось. Трудности начинаются позже — когда расходятся мнения, кто-то устаёт, кто-то делает больше остальных, а общих средств становится меньше.

Тогда обнаруживается, что устранение должности не устраняет задач, которые с ней были связаны. Надо принять решение, распределить обязанности, учесть интерес того, кто говорит тихо. Можно отвергнуть старый способ решения, но нельзя приказывать самой необходимости исчезнуть. Именно здесь мечта встречается с устройством.

Утопия помогает подойти к этой встрече. Она позволяет посмотреть на привычное извне, представить иной порядок собственности, труда, воспитания и участия. «Государство» Платона и «Утопия» Томаса Мора принадлежат к разным историческим мирам и не являются проектами отсутствия всякой иерархии. Но оба текста расширяют пространство вопроса: должен ли мир быть устроен только так, как мы его застали?

Читая утопию, важно следить не только за благами её жителей, но и за местом несогласного. Кто определяет добро? Можно ли покинуть общину? Что происходит с тем, кому общий образ счастья не подходит? Совершенный план становится опасным, когда живой человек рассматривается как помеха его осуществлению.

Анархистская мысль радикально поставила вопрос о принуждении и добровольном сотрудничестве. При этом Прудон, Бакунин и Кропоткин не предлагают один и тот же ответ, который можно без потерь выразить фразой о природной доброте человека. Их объединяет критика господства; способы понимания собственности, организации и преобразования общества различаются.

Исторические опыты самоорганизации важны именно в своей неодинаковости. Во время гражданской войны в Испании в ряде районов возникали коллективы, где работники и жители пытались управлять производством и местной жизнью совместно. Практики обмена и распределения различались; было бы неверно представить все эти территории как единое общество с одинаковыми правилами и повсеместно отменёнными деньгами.

Война, внутренние конфликты и внешнее насилие ограничивали пространство эксперимента. По его поражению нельзя автоматически судить о невозможности любой взаимопомощи, как нельзя и из отдельных достижений вывести готовую модель для всех времён. Исторический опыт требует различать то, что сломалось изнутри, и то, что было разрушено силой.

Небольшие коммуны и экологические поселения сталкиваются с менее грандиозными, но очень упорными

вопросами. Кто выполняет неприятную работу? Как воспитывают детей? Кому принадлежит созданное общим трудом? Как принимают нового участника и что оставляют уходящему? Именно ответы на такие вопросы показывают, существует ли равенство за пределами общего заявления.

Консенсус способен защищать меньшинство от поспешного решения, но требует времени и внимания. Если обсуждение длится бесконечно, преимущество получают люди с большим запасом свободных часов и привычкой говорить. Если ради скорости всё решают самые деятельные, возникает неформальная исполнительная группа. Ни один приём не освобождает от необходимости видеть, как распределяются возможности участия.

В сапатистском опыте общинного самоуправления известен принцип, который можно передать словами «управлять, подчиняясь». Его смысл — зависимость делегата от тех, кто поручил ему дело. Для нашего рассуждения важна эта инверсия: полномочие даётся для исполнения определённой ответственности, а не для присвоения чужого голоса. Конкретные формы такого устройства меняются и не должны превращаться в неподвижную открытку об идеальном сообществе.

Цифровые организации добавляют к старому поиску новые средства. Смарт-контракт может сделать часть правил исполнения явной, распределённая запись — затруднить незаметную подмену. Но программный код не выбирает справедливость вместо людей. Кто-то задаёт условия, получает право обновления, распределяет ресурсы и решает, какое голосование считается действительным.

Если вес голоса зависит от количества токенов, формальная открытость может соседствовать с сильной концентрацией влияния. Если условия понимают лишь немногие специалисты, техническая компетентность превращается в политическое преимущество. Если участники не голосуют, решение принимает активное меньшинство. Новый инструмент меняет поверхность власти, не отменяя вопроса о её распределении.

Джо Фриман описала опасность бесструктурности: отказ от явных должностей способен оставить влияние неформальных кругов без подотчётности. Для свободного сообщества это важное предупреждение. Власть, которую нельзя назвать, бывает особенно трудно ограничить.

Неофициальный лидер может не отдавать приказов. Достаточно первым формулировать проблему, определять, кого пригласить, распределять сведения и считать одни возражения разумными, а другие неуместными. Люди чувствуют границу допустимого, хотя нигде не записано, кто её устанавливает. Отсутствие печати не означает отсутствия привилегии.

Выход состоит не обязательно в возвращении начальника с неограниченным сроком. Можно сделать роли явными, ограничить полномочия, разделить задачи, предусмотреть сменяемость и доступ к сведениям. Эти меры сами требуют труда и не гарантируют совершенства. Их смысл в том, чтобы спор касался видимого устройства, а не угадываемых личных отношений.

Сообществу также нужен способ пережить конфликт, не объявляя его изменой. Люди могут желать общего дела и всё же расходиться в оценке риска, справедливости, темпа

изменений. Если единство понимается как отсутствие различий, свобода закончится при первом серьёзном споре. Доверие проверяется способностью оставаться участниками разговора, когда согласие не дано заранее.

Не менее важно право выхода. Однако формальное разрешение уйти мало помогает тому, кто теряет вместе с уходом жильё, средства, связи и возможность продолжить жизнь. Добровольность следует оценивать по условиям, а не по одному слову в уставе. Чем дороже расставание, тем внимательнее надо относиться к власти тех, кто остаётся определять правила.

Возможно, ни одно сообщество не освободится от всех неравенств влияния. Но из этого не следует бесполезность попытки. Можно уменьшать зависимость, делать решение понятнее, возвращать голос тому, кого не слышали. Альтернатива приобретает ценность не только как обещанный совершенный мир, но и как практика, позволяющая жить иначе уже в несовершенном.

Последний хозяин не исчезает по торжественному объявлению. Он возвращается в привычке доверять без проверки, в удобстве чужого окончательного решения, в страхе открытого спора. Поэтому свободное устройство требует внимания и после дня основания. Его следует оценивать по тому, сохраняется ли у человека право участвовать, возражать и уходить, когда праздничная уверенность уже прошла.

Заключение. Право перестраивать

Мы начинали с дома, который люди строят над собой ради защиты. Теперь видны его несущие опоры и закрытые комнаты. Власть возникает там, где есть различие возможностей, необходимость координации, страх и надежда. Она укрепляется благодаря признанию, а затем может начать охранять собственное продолжение как высшее благо.

Это возможность, а не закон судьбы. Между полезным авторитетом и господством, между наблюдением и вторжением, между ритуалом и пустой имитацией существуют различия, от которых зависит жизнь. Их легко стереть одним обвинением против всякой власти. Гораздо труднее удерживать их в конкретном споре, когда удобное объяснение уже готово.

Мы увидели, почему человек способен хотеть подчинения: оно обещает избавить от части неопределённости. Увидели и обратное — почему полученная власть не приносит окончательного покоя. Неопределённость нельзя уничтожить сосредоточением полномочий. Иногда её лишь удаляют из поля зрения, чтобы позднее встретить в более тяжёлой форме.

Отказ возвращает границу, а совместное действие позволяет за этой границей строить жизнь. Но ни одно слово — «свобода», «горизонтальность», «разум», «код» — не делает устройство справедливым автоматически. Каждое может стать вывеской, если прекращается возможность проверять, что происходит с людьми за нею.

Искусственный интеллект также не получает беспристрастия по одному факту своего нечеловеческого происхождения. Если ему доверяют распределять возможности, приходится

спрашивать о целях, исходных данных, ошибках и ответственности. Передача решения машине остаётся человеческим решением об устройстве власти. Освободить от работы — ещё не значит освободить от обязанности отвечать за последствия.

Поэтому будущее не стоит представлять только как выбор между всеведущим центром и полным отсутствием правил. Оно складывается из множества способов ограничивать, распределять, пересматривать полномочия. Иногда лучшим признаком силы учреждения становится его способность признать ошибку и добровольно уступить место другому решению.

Осознанность сама по себе не спасает. Можно прекрасно понимать механизм подчинения и оставаться без средств ему противостоять. Но понимание помогает различить, где требуется личная граница, где — общая организация, где — правило, которое будет действовать и против сильного. Оно не заменяет действие, а делает его точнее.

У этой книги нет проекта окончательно достроенного дома. Есть требование оставить в нём двери, окна и право менять план. Люди не должны всю жизнь обслуживать сооружение, созданное ради их жизни. Пока сохраняется возможность произнести это вслух, быть услышанным и добиться изменения, история власти остаётся также историей свободы.